

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ

В. П. Скобелев

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права, кандидат
юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрены проблемы современного гражданского и экономического правосудия, связанные с ответственностью за причиненный судьями вред, судебными расходами и судебным представительство. На основе анализа норм Статута Великого княжества Литовского 1529 г. сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Разгледжаны праблемы сучаснага грамадзянскага і эканамічнага правасуддзя, звязаныя з адказнасцю за прычыненую суддзямі шкоду, судовымі расходамі і судовым прадстаўніцтвам. На аснове аналізу норм Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г. зроблены прапановы па ўдасканаленні дзеючага заканадаўства.

The problems of modern civil and economic justice related to liability for harm caused by judges, court costs and judicial representation are considered. Based on the analysis of the norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, proposals were made to improve the current legislation.

Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (далее – Статут) является выдающимся памятником права в истории белорусской государственности. Как отмечает Т.И. Довнар, по своему содержанию Статут был первым в Европе систематизированным сводом правовых норм различных отраслей права и закреплял немало самых прогрессивных правовых идей того периода [1, с. 92, 93]. По этой причине Статут представляет собой большой научный интерес и дает богатый материал для изучения не только юридических, но также экономических и социальных отношений, имевших место на соответствующих территориях в XV – начале XVI вв. [2, с. 3].

Безусловно, Статут не был абсолютно совершенным правовым актом. Тем не менее предусмотренные им решения тех или иных вопросов даже с точки зрения современной юриспруденции поражают своей точностью, рациональностью, прозорливым видением «узких (слабых)» мест предмета регулирования и совершенством юридической техники. Не являются в этом плане исключением и вопросы, касающиеся судопроизводства. Как показывает анализ, многие из тех проблем, с которыми столкнулось современное отечественное

правосудие по гражданским и экономическим делам, вполне успешно были решены еще нашими средневековыми предками в Статуте.

Статут вполне однозначно и, думается, весьма разумно решал вопрос об ответственности судей за совершенные ими в ходе судопроизводства противоправные действия. Согласно ст. 1 раздела 6 Статута, «если же было бы установлено, что судья вынес приговор не по законам и что от этого сторона понесла ущерб, то тот, кто вынес приговор не в соответствии с законом, должен возместить ущерб и издержки, а приговор того суда аннулируется. А если у кого что-либо будет взято по приговору судьи, то должно быть ему возвращено без спора. А если бы он понес убытки в виде издержек и пропитания, на что приведет надлежащие доказательства или присягнет, то судья должен ему уплатить» и далее в статье регламентировались некоторые процедурные особенности привлечения судей к указанной ответственности, в том числе связанные с проведением по данному вопросу своеобразного судебного разбирательства вышестоящим должностным лицом или органом [2, с. 165-166].

Кроме того, ст. 19 раздела 6 Статута гласила: «... судья, выполняя судейские обязанности, не должен никого оскорблять. Если же судья схватил бы кого-либо рукой и ударил, то должен уплатить тому за бесчестье соответственно сословию. А если бы судья кого-либо оскорбил бранными словами, то оскорбленный должен поставить его перед нами, великим князем, или перед панами, и ему с судьей должно быть оказано правосудие в соответствии с законами» [2, с. 172-173]. Как видим, Статут предусматривал личную имущественную (т.е. фактически гражданско-правовую) ответственность судьи за допущенные им проступки, что позволяло не только персонифицировать ответственность, но и обеспечить эффективное восстановление прав потерпевшей от действий судьи стороны. Причем, что показательно, осуществлявшие правосудие должностные лица (державцы, воеводы, старосты и т.д.) не были наделены юрисдикционным иммунитетом: за свои действия они могли быть привлечены потерпевшим к ответу по суду и тем самым занять в процессе положение обычного ответчика.

Современное законодательство Республики Беларусь вопрос о гражданско-правовой ответственности за допущенные судьями правонарушения решает совсем другим и, полагаем, далеко не лучшим образом. По смыслу п.2 ст. 939 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) вред, причиненный при осуществлении правосудия по гражданским и экономическим делам, может быть возмещен только в том случае, если вина судьи установлена вступившим в законную силу приговором суда. Учитывая, что

вынесение обвинительных приговоров в отношении судей хоть и имеет место [3, с. 9; 4, с. 11], но представляет собой очень редкое, можно даже сказать, экстраординарное явление, потерпевшие от неправосудных решений лица (как физические, так юридические) практически не имеют шансов на получение возмещения причиненного им имущественного или морального вреда.

Скорее всего, не сможет защитить свои интересы в суде потерпевший и в том случае, когда судьей будут допущены умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию высказывания (а подобные факты, к сожалению, тоже бывают [5, с. 8; 6, с. 6]), т.к. согласно ч.3 ст. 69 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (далее – КоСиСС) судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за высказанное им при осуществлении правосудия суждение (равно как и принятое решение), если вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена его виновность в совершении преступления против интересов службы. Очевидно, во всех приведенных выше случаях в отсутствие приговора вопрос может ставиться лишь о дисциплинарной ответственности судьи (и в этом плане стоит отметить некоторую неточность положений ч.3 ст. 69 КоСиСС о том, что без приговора судья не может быть привлечен вообще ни к какой ответственности).

Признать верным такое положение вещей достаточно сложно. Дисциплинарная ответственность не позволяет восстановить права лиц, потерпевшего от тех или иных действий судей. Привлечение судей к дисциплинарной ответственности обеспечивает реализацию лишь воспитательного и карательного эффектов, причем реализация дисциплинарной ответственности не всегда и возможна: согласно ч.2 ст. 91 КоСиСС отмена или изменение судебного постановления сами по себе не влекут за собой дисциплинарной ответственности судьи, участвовавшего в вынесении данного судебного постановления, за исключением случая, когда установлено преднамеренное вынесение незаконного судебного постановления.

Нам могут возразить, что восстановлению прав потерпевших лиц способствует институт поворота исполнения судебных постановлений, регламентированный ст. 465-467 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и ст. 331, 332 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). Безусловно, в определенной мере это так. Стоит, однако заметить, что, во-первых, указанные нормы ГПК и ХПК допускают поворот исполнения лишь по делам имущественного характера. Во-вторых, нормы о повороте исполнения предполагают возврат лицу того, что с

него было взыскано по неправильному судебному постановлению, и не способны помочь в ситуации, когда лицу неправомерно было отказано во взыскании (присуждении) чего-либо. Конечно, в последнем случае неправосудное решение можно отменить и вместо него вынести новое полностью законное и обоснованное судебное постановление, но нет никаких гарантий того, что к этому моменту его возможно будет реально исполнить (ведь предмет спора может быть существенно видоизменен или уничтожен, ответчик-юридическое лицо может стать экономически несостоятельным или вообще прекратить свою деятельность, а ответчик-физическое лицо – умереть и т.д.). В-третьих, в ходе осуществления правосудия вред судьями может быть причинен не только вынесением неправильных решений, но и иными действиями (или бездействием) – затягиванием разбирательства дела, произнесением высказываний, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию участников процесса.

Наконец, нужно обратить внимание на условиях возмещения вреда, причиненного государственными органами в иных сферах, нежели гражданское и хозяйственное судопроизводство. Так, согласно п.1 ст. 939 ГК вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, привлечения в качестве обвиняемого, задержания, содержания под стражей, домашнего ареста, применения подписки о невыезде и надлежащем поведении, временного отстранения от должности, помещения в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение, незаконного наложения административного взыскания в виде административного ареста, исправительных работ, возмещается в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов уголовного преследования и суда. В этих случаях для возмещения вреда не требуется наличия обвинительного приговора в отношении соответствующих должностных лиц органов уголовного преследования и суда.

Можно предположить, что наличие обвинительного приговора суда здесь не требуется ввиду крайней суровости тех неблагоприятных последствий, которые перенесло потерпевшее лицо вследствие уголовного или административного процесса. Однако подобная логика не проведена со всей строгостью в гражданском законодательстве. В соответствии со ст. 938 ГК «вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного управления и самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего законодательству акта

государственного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежит возмещению», т.е., другими словами, для возмещения вреда не требуется постановления обвинительного приговора, хотя причиняемый тут вред априори является менее суровым, нежели тот, что подразумевает п.1 ст. 939 ГК, и вполне сопоставим с вредом, который может быть причинен в ходе гражданского или экономического судопроизводства.

В свете изложенного полагаем, что подходы к возмещению вреда, причиненного при рассмотрении гражданских и экономических дел, требуют пересмотра (думается, это вполне согласуется с мнением некоторых авторов о том, что назрела потребность принятия специального закона, в котором были бы комплексно решены вопросы ответственности государства, в том числе и в сфере правосудия [7, с. 152]). На наш взгляд, этот вред должен возмещаться на тех же условиях, что предусмотрены ст. 938 ГК (т.е. в отсутствие обвинительного приговора суда), при этом считаем, что целесообразно также обсудить вопрос о лишении судей юрисдикционного иммунитета от судебных преследований по ст. 153 ГК за допущенные ими в ходе осуществления правосудия высказывания.

Определенное внимание в Статуте было уделено судебным расходам. В ст. 8 раздела 6 Статута указывалось, что «воевода, староста и врадники наши судебных пошлин не должны брать больше, чем десятый грош от присужденной суммы, а от имения, сколько оно будет стоить в соответствии с его значением, а от земли рубль» [2, с. 170]. А согласно ст. 22 того же раздела Статута, «если бы какой-нибудь воевода или староста, или державца, или судья взял бы судебных пошлин больше, чем определено нашим постановлением, тот обязан стороне вернуть с навязкой, а нам, великому князю, должен заплатить штраф двенадцать рублей грошей». Подобные нормы свидетельствуют о стремлении средневекового законодателя тщательно урегулировать вопросы взимания судебных пошлин, причем ограничить их максимальный размер.

На этом фоне обращение к современным отечественным нормам о судебных расходах дает повод для неутешительных выводов. Во-первых, отсутствует верхний потолок размера государственной пошлины, уплачиваемой за рассмотрение в гражданском и хозяйственном судопроизводстве имущественных требований (т.е. размер государственной пошлины растет вместе с ценой иска и в конечном счете ложится тяжким бременем на проигравшую в споре сторону). Во-вторых, по сравнению со средневековьем, ставка пошлины снизилась очень незначительно. Если согласно ст. 8 раздела 6 Статута ее

размер фактически составлял 10% цены иска, то сейчас и в гражданском, и в хозяйственном процессе действует 5-процентная ставка (более того, для гражданских дел она неоднократно устанавливалась в размере 10% от цены иска – постановлениями Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 1993 г. №105 «О ставках государственной пошлины» и от 26 марта 2003 г. №402 «О ставках государственной пошлины и предоставлении дополнительных льгот по ее уплате»). В-третьих, в гражданском и хозяйственном процессах совершенно различны подходы к определению ставок государственной пошлины для имущественных требований: по экономическим делам ставка в 5% действует только для цены иска в размере от 100 до 1000 базовых величин (для цены иска большего размера действуют ставки в 3% и 1%), между тем как по гражданским делам ставка в 5% является единой для любой цены иска. Очевидно, что отмеченные проблемы требуют своего незамедлительного решения.

В ст. 9 раздела 6 Статута достаточно подробно были урегулированы последствия выступления на суде без доверенности от имени заинтересованного лица: «А если бы кто-нибудь принес доверенность и сказал, что это доверенность его приятеля, а эта доверенность была бы написана им самим, а приятель не давал ему доверенности и не поручал вести дело в суде, а он это сделал нарочно и проиграл чужое дело, тогда это судебное решение должно быть признано недействительным, а этот приятель не должен проиграть дело, но снова должно состояться судебное разбирательство. И если будет доказано, что тот подделал доверенность, то он должен быть наказан как подделыватель не чем иным, а только сожжением на костре» [2, с. 170-171].

Современные ГПК и ХПК в этом плане значительно отстают, поскольку не определяют последствий ведения в суде дела в чужих интересах неуполномоченным на то лицом. Так, в частности, остается неясным, допустимо ли применение в области судопроизводства правил ст. 184 ГК о возможности последующего одобрения представляемым тех действий, которые были совершены представителем в отсутствие или за пределами полномочий (в литературе применение таких гражданско-правовых правил к правосудию, на наш взгляд, совершенно справедливо отрицается [8, с. 10-11, 13, 49, 92-95]). Точно так ГПК и ХПК не дают ответа на вопрос, вправе ли представитель осуществить передачу своих полномочий другому лицу по правилам п.1 ст. 188 ГК, т.е. если «вынужден к этому силою обстоятельств для охраны интересов выдавшего доверенность» (думается, что и на этот вопрос следует ответить тоже отрицательно). Наконец, в процессуальном

законодательстве не урегулировано, какое влияние на судьбу судебного решения оказывает ведение дела неуполномоченным представителем. В доктрине отмечается, что решение суда, основанное на действиях, не оговоренных в доверенности, подлежит отмене [9, с. 94]. Полагаем, есть все основания для того, чтобы подобное нарушение закрепить в ст. 424 ГПК и ст. 280 ХПК в качестве безусловного основания к отмене судебных постановлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Доўнар Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Амалфея, 2007. 400 с.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонска. Минск: Изд-во Акад. Наук БССР, 1960. 254 с.
3. Сукало В. Пути совершенствования судебной системы Республики Беларусь // Судовы веснік. 2014. №1. С. 5–10.
4. Сукало В. Судебная система в новом качестве: итоги работы, проблемы и задачи на перспективу // Судовы веснік. 2015. №1. С. 4–11.
5. Сукало В. Основные проблемные вопросы правосудия на современном этапе и пути их разрешения // Судовы веснік. 2010. №1. С. 3–8.
6. Судебная реформа в действии // Судовы веснік. 2014. №3. С. 3–12.
7. Василевич Г.А. Источники белорусского права / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич. Минск : БГУ, 2016. 263 с.
8. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2002. 208 с.
9. Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 130 с.